

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 57-66. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.57
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Muslim Religiosity of the Kazakhs in the Context of the Imperial Policy of Russia

Petr K. Dashkovskiy^{a, *}, Albina S. Zhanbosinova^b

^a Altay State University, Russian Federation

^b S. Amanzholov East-Kazakhstan State University, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article is devoted to the development of Islam in Kazakhstan in the Russian Empire. The authors, relying on a wide range of archival materials and publications of modern times demonstrated the evolution of Muslim views of the Kazakh population from its complete rejection to the struggle for their rights in freedom of conscience and religion. Tatar, Bukhara, Tashkent Ministers of religious cult played an important role in the spread of Islam in Kazakhstan. Among the issues covered in the article, special attention was paid to the analysis of the content of the Imperial policy towards the Kazakh population, namely Russification and Christianization, in the prohibition and closure of spiritual and educational institutions, in preventing the construction of architectural religious buildings.

The government of the Russian Empire regulated the activities of Muslim clergy, as well as controlled the pilgrimage of Muslims. Such strict state control eventually led to the emergence of protest moods and the opposite transformation of the religious Outlook of the Kazakhs, who converted to Islam largely as a result of administrative islamization.

Keywords: Russian Empire, tsarist government, Kazakhstan, Islam, mektebs, Kazakh intelligentsia.

1. Введение

Актуальность предложенного исследования заключается в том, что удивительное время и удивительная ситуация сложились в социокультурном пространстве Казахстана. Суверенность и независимость республики, наряду с продекларированной атрибутикой национальной государственности, позволили встроиться в бывшее советское пространство элементам мусульманской семиотики. Повсеместно в Казахстане стали появляться мусульманские архитектурные композиции, от советского радикального атеизма казахское общество окунулось в процессы социорелигиозной идентификации и радикального ислама. Идентификационные проблемы казахского народа отмечались многими исследователями: в первую очередь – «я мусульманин, последователь Магомета», во вторую – «я родом из...», в третью – «я казах». Возможен обратный отсчет ввиду «двоеверия казахов»: шаманизм-тенгрианство, не утратившее своего значения в традиционной культуре в переплетении с татарско-среднеазиатским исламом (Валиханов, 1985: 71).

Можно предположить, что основные идеологемы мусульманской религиозности казахского населения закладывались в эпоху имперского времени иноэтничными представителями. Инонамадное содержание ислама, накладываясь на древние кочевые верования, в том числе и тенгрианство, придавало своеобразие казахскому восприятию ислама.

* Corresponding author

E-mail addresses: dashkovskiy@fpm.asu.ru (P.K. Dashkovskiy), sovetuk@rambler.ru (A.S. Zhanbosinova)

2. Материалы и методы

Методологию исследования составил цивилизационный подход, а именно предложенные концепты А. Тойнби, сфокусировавшие внимание на элементах духовной культуры, ее эволюции и адаптации как стратегии выживания в условиях модернизации имперской политики. Вполне приемлемы положения теории модернизации ввиду вовлечения в Российское имперское правовое пространство Казахстана, сопровождавшееся реформационными процессами. При написании работы были использованы общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения, а также специальные методы познания – сравнительно-правовой, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический.

Авторами использован обширный круг источников, хранящихся в Центральном государственном архиве Республики Казахстан и редком фонде Национальной библиотеки им. Абая (г. Алматы). Некоторые архивные материалы впервые вводятся в научный оборот.

3. Обсуждение

Активное исследование предложенной темы относится к периоду новой истории, а именно к XVIII–XIX векам. Первыми авторами научных трактатов выступили путешественники, изучавшие Среднюю Азию и Казахстан. Выдающийся русский ученый А.И. Левшин в фундаментальном издании отметил слияние мусульманских и домусульманских воззрений, отсутствие педантичного соблюдения и почитания положений Корана (Левшин, 1996: 313–314). В исследовательской практике существует мнение, что протекторат Российской империи вынудил казахов принять ислам, поскольку побежденные казахи приняли мусульманство лишь для того, чтобы вообще ничего не исповедовать (Ястребов, 1851: 301–311).

Исламизация в Казахстане имела яркие черты внешней татарской атрибутики, испытывала дефицит Коранов и формировала мусульманское архитектурное зодчество (Материалы, 1940: 93), трансформировала религиозные воззрения казахов (Россия, 1903), сочетала доисламские традиции с пятикратным чтением намаза (Бабаджанов, 2007), свидетельствовала об отсутствии религиозного фанатизма в казахской среде.

Нарративный характер историографии Нового времени придает содержанию неповторимую литературную изысканность, точность формулировок ввиду прямого описания исторических фактов, очевидцами которых они являлись. Есть множество интересных исследовательских отчетов – результатов этнографических экспедиций ученых, впоследствии опубликованных в формате дневниковых записей.

Современная историография базируется на архивных материалах и переизданных источниках. Особое внимание казахстанские историки уделяют социально-экономическим, общественно-политическим и культурным процессам Казахстана в составе Российской империи. Вопросы конфессиональной политики, и в частности ислама, рассматриваются в системе анализа духовной экспансии царизма в области развития образования в Казахстане (Садвокасова, 2005). Интересно мнение об этапности процесса исламизации населения Казахстана, о сопутствующем влиянии каждого этапа на содержание ислама, соответственно – формирование «народного» ислама с различной артикуляцией трактования мусульманских норм и их ассимиляция казахском социуме (Torlanbayeva, 2015: 166–172). Прагматизм и политическая терпимость царской политики в Казахстане отмечена во взаимодействии с казахским сообществом при формировании социальных институтов власти, что позволило России установить контроль над казахскими кочевьями (Султангалиева, 2015: 653). Есть публикации, рассматривающие вопросы формирования управленческих структур, а также их трансформацию (Артыкбаев, 1993) и последующую модернизацию с целью контроля за исламом в Казахстане (Шаблей, 2008). Указанные авторы опираются на архивные источники, полагая, что инновационные методы российского имперского правительства оказывали влияние на содержание конфессиональной политики, направленной во второй половине XIX в. на ослабление ислама и усиление миссионерского движения в регионе.

Анализ историографии российских авторов демонстрирует значимость религиозной проблематики в региональном разрезе, в том числе и в Казахстане, Средней Азии и Сибири. Исследователи активно разрабатывают вопросы, связанные с мусульманской тематикой, такие как конфессиональная политика царской России в мусульманской умме (Бортникова, 2016), противостояние мусульманских общин с Русской православной церковью (Dashkovskiy, Shershneva, 2016), деятельность мусульманских депутатов в Государственной Думе по вопросам вероисповедания, религиозной пропаганды и паломничества (Лысенко, 2017).

Авторы не ставили целью детальный анализ историографии предложенной темы, поэтому частичное освещение получили труды, имевшие прямое или косвенное отношение к исследуемой проблеме. Роль и место ислама в имперской политике России в Казахстане не стали предметом исследовательского интереса ученых, что и обусловило обращение авторов к разработке предложенной темы.

4. Результаты

Исходной датой появления ислама на территории Казахстана принято считать VII–VIII века. Тюркские племена, ставшие основой формирования казахского этноса на протяжении нескольких веков, сочетали тенгрианство с исламом, признавая и почитая мнение Ходжи Ахмета Яссауи: «Бог присутствует везде и во всем». Вхождение Казахстана в состав Российской империи, начавшееся в 30-х годах XVIII века, закончилось в 60-х годах XIX века. Казахские территории, став внутренней провинцией России, оказались в орбите определенной государственной политики, которая была не всегда однозначной, а порой и противоречивой (Акимбеков, 2018).

Став частью имперской политики, Казахстан стал объектом реформаторской и законотворческой деятельности государственных органов. Первым этапом реформирования управления Казахской степью стали «Устав о сибирских киргизах (казахах)» 1822 г. и «Устав об оренбургских киргизах (казахах)» 1824 г., последующим – принятие «Временного положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях» 1867 г., «Временного положения об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторства» 1868 г. Следует отметить, что в Уставе не прозвучали пункты, регламентирующие конфессиональную деятельность. В Временном положении был принят раздел «Об управлении духовными делами киргизов (казахов)». В промежутке между Уставом и Временным положением чиновники констатировали наличие в степи татарского обучения, а в качестве учителей выступали муллы-письмоводители при богатых казахах. В большинстве своем они были выходцами из Бухары, Ташкента, Казани, Уфы. Как такового системного религиозного обучения не было, а дети заучивали суры из Корана и арабский алфавит. О неграмотности казахов, неумении их читать и писать на своем языке, об отсутствии у них школ и мечетей писал пленный доктор Савва Большой (Записки, 1822). Ввиду своей безграмотности казахские кочевники любого грамотного почитали как муллу, а отсутствие культовых сооружений служило подтверждением незнания и несоблюдения ими канонов ислама (Андреев, 1998: 55).

Следует отметить, что с целью понимания особенностей быта мусульманского населения Туркестанского края в Семиреченской области были изданы несколько выпусков «Материалов по мусульманству». Указанный журнал содержал информацию о мусульманском законодательстве и действующих мусульманских учреждениях в крае, традициях и обычаях мусульман. К концу XIX в. в составе Российской империи насчитывалось до 14 миллионов мусульман. Авторы «Материалов по мусульманству» рекомендовали знать особенности управления мусульманским населением края. На 119 русских учебных заведений в Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской областях¹ приходилось 5246 мусульманских училищ. При этом на 6 православных храмов в Ферганской области приходилось 6134 мечети. В Сырдарьинской области насчитывалось 1860 училищ, в которых обучались 20592 учащихся. В 2665 мечетях насчитывалось 2565 имамов. Кроме того, было 52 мазара, 169 шейхов, 19 ишанов (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1133. Л. 40, 44).

Следует отметить, что искусственное насаждение ислама в Казахстане, по признанию властей, началось с 1785 г. Казахи были мусульманами только по имени, поскольку они не исполняли даже таких обрядов, как намаз и пост, которые обязательны для каждого мусульманина. Для этого в казахской степи за Уралом строили мечети, а при них школы, куда в качестве имамов – настоятелей мечетей и учителей – посылали казанских и уфимских татар (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1133. Л. 37-38). Указанный факт отмечался российскими исследователями Казахской степи. К «главным насадителям ислама» среди казахов, слишком восприимчивых к быстрому отатариванию и омусульманиванию, относили казанских мулл, обосновавшихся в Северном Казахстане, на границе с Россией, – в Петропавловске и близлежащих городах Оренбурге, Орске (Алекторов, 1905). Именно имперская политика заложила основы «русифицированного» ислама и религиозной образовательной системы в Казахстане, а кочевое казахское население в условиях протектората эволюционировало из шаманистско-тенгрианского этапа в мусульманско-русский.

Отметим, что город Туркестан и сейчас является духовной Меккой казахского народа, почитаемым сакральным местом. Именно здесь находится усыпальница Ходжи Ахмета Ясави, основоположника суфизма, ставшая символом казахского ислама. Характерно, что суфизм имперской политикой причислялся к мусульманскому сектанству и отождествлялся с мусульманским мистицизмом (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1133).

Важно подчеркнуть, что резко критически воспринимала иноэтнических мулл казахская интеллигенция, оценивая их как «полуграмотных», «фанатических поклонников пророка», которые могут довести своим влиянием казахский народ до «слепого религиозного изуверства» (Валиханов, 1985: 100). Казанские татары явились фанатизированными книжниками, несущими в Казахскую степь враждебное отношение к России (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1133. Л. 37). Неудивительно, что в суверенный период Казахстана иностранные мусульманские адепты распространили радикальный чуждый ислам в казахском обществе, никогда не отличавшемся религиозным фанатизмом.

¹ Две последние области – Самаркандская и Ферганская – в административно-географическом отношении не входили в состав Казахстана, а относились к Туркестанскому краю.

Народным обучением в Казахстане занимались муллы. Среди них упомянуты указные муллы, простые муллы, киргизы (казахи – Авт.), ташкентцы, татары и ходжи. В 15 волостях Каркаралинского округа 412 учеников обучалось в 23 школах, в том числе 2 в станице Каркаралинской. Численность учеников разнилась от 10 до 36. Многие богатые казахи отправляли своих детей на обучение к муллам в Семипалатинск, Петропавловск, Ташкент, Бухару (Материалы, 1960: 275). Современники полагали, что знания служителей культа в качестве учителей ограничены лишь «мусульманской схоластикой и казуистикой» (Валиханов, 1985: 102).

Знание восточных языков, среди которых были арабский, персидский и тюркский, позволили Абаю Кунанбаеву стать знатоком священных книг, которые частенько упоминали муллы, несущие знамя ислама в Казахскую степи. Абай выступал против обрядового ислама, не соблюдая мусульманские посты, он осуждал ханженство и лицемерие мулл (Букейханов, 1995: 308).

Нужно подчеркнуть, что представители передовой казахской интеллигенции выступали не против ислама как такового. Объектом их критики становились носители мусульманского знания, точнее «информационного незнания», заполнявшие наивные умы кочевников ложными, порой не существующими религиозными идеологемами. Постепенно количество перерастало в качество, стали появляться доморощенные казахские муллы, получившие религиозное образование за пределами Казахстана. Численность таких мулл, судя по Обзорам областей, постепенно увеличивалось.

Среди учителей мектебов и медресе встречались известные личности, пользовавшиеся популярностью и уважением в казахском народе, как, например, Наузбай Таласов, 15 лет проучившийся в Бухаре и работавший там преподавателем. После возвращения в Кокчетав он стал содержать там старометодное медресе (Нуртазина, 2008: 48).

В материалах комиссии Переселенческого фонда под руководством Ф. Щербины фигурирует статистика действовавших национальных школ в Казахстане в 1905 г. В Семиреченской области на тот период было 3 школы с 257 учащимися, в Акмолинской – 14 школ с 301 учащимся, в Тургайской – 94 школы с 1672 учащимися, в Семипалатинской – 27 школ. В последнем случае численность учеников не установлена. Ф. Щербина приводит данные по численности учителей-мулл: в Усть-Каменогорском уезде – 97 человек, в Павлодарском – 261, Каркаралинском – 134, Петропавловском – 154, Омском – 167, Кокчетавском – 164, Акмолинском – 267, Атбасарском – 97, Актюбинском – 259, Кустанайском – 159 человек (Букейханов, 1995: 74-74). В Букеевской орде в 1892 г. действовало училище, обучавшее 16 девочек (ЦГА РК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 41. Л. 6). Начиная с 70-х годов XIX в., политика русификации привела к закрытию аульных школ, изъятию их с религиозного ведомства. В итоге многие из аульных мектебов перешли на нелегальное положение. При этом важно подчеркнуть, что нелегальная религиозная образовательная деятельность строго наказывалась имперской властью.

В Таловской волости Букеевской орды в 1915 г. действовало 12 мектебов и медресе. Из них при приходских мечетях, возведенных в большинстве своем в конце XIX в., состояло 11 учебных заведений. Одно такое учебное заведение действовало при мечети, располагавшейся в доме. 75 % из указанных учебных заведений действовали нелегально. Только три школы имели официальное разрешение инспектора народного училища Внутренней Киргизской орды, в том числе при двух из них были открыты одноклассные школы с русским языком обучения (ЦГА РК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 189. Л. 5-7).

Инспекция народного училища Внутренней Киргизской орды контролировала содержание деятельности и преподавания подведомственных ему мектебов и медресе. Проводимые инспекцией проверки обнаружили, что, помимо разрешенных печатных религиозных изданий, в некоторых школах допускалось использование рукописей книг и тетрадей, привнесенных учителями из заграницы. По мнению контролирующих органов, содержание иностранных книг проникнуто враждой к России, а учителя-муллы, получившие религиозное образование за пределами Российской империи, являются их проводниками. К тому же эти учителя не являлись подданными России. В итоге Инспекция предложила запретить использование книг иностранных изданий в мусульманских школах, а к преподаванию допускать только подданных империи, получивших религиозное образование в России (ЦГА РК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 46. Л. 6-9).

По данным Первой всероссийской переписи 1897 г., в шести областях Казахстана, входивших в два генерал-губернаторства, насчитывалось значительное количество мусульман, что хорошо видно из Таблицы 1.

Таблица 1. Численность мусульман в 6 областях Казахстана, по данным Первой всероссийской переписи 1897 г. (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Изд. Центр. стат. комитетом М-ва вн. дел ; Под ред. Н.А. Тройницкого [СПб.], 1897–1905.)

Название области	Численность мусульман			% соотношение к общему численности населения
	мужчины	женщины	Общее количество	
Акмолинская	230706	208957	439663	64,43
Семипалатинская	330465	285771	616236	89,71
Уральская	253131	225564	478695	74,15
Тургайская	217165	195671	412836	90,99
Семиреченская	479406	413614	893020	90,18
Сырдарьинская	764294	648820	1413114	96,37

Удельный вес казахского населения, по материалам Первой Переписи, составлял 81,8 % (Казахи, 1995). К сожалению, невозможно проследить в динамике численность мулл, школ и учащихся ввиду отсутствия статистических показателей. Вместе с тем показатели Западных и Южных областей Казахстана намного превышают другие, что объясняется высокими демографическими данными.

Временные положения структурно отразили вопросы управления духовными делами казахов, изъяли их из ведения Оренбургского магометанского духовного собрания, которое на начальном этапе, в XVIII веке, должно было ужесточить контроль над исламом, а казахские муллы, прошедшие испытания в Уфе, становились верными слугами российского двора (Шаблей, 2008).

В 1830-х годах в Семипалатинске произошел конфликт, причиной которого стали не согласованные с Оренбургским магометанским духовным собранием действия незаконных мулл и строительство новой мечети взамен обветшавшей. Суть конфликта не только в неподчинении, а в боязни потерять контроль над религиозными процессами в Семипалатинске, игравшем роль города-хаб, стоявшем на пути всех торгово-транспортных путей. В Семипалатинске функционировали 4 мечети, 2 из них были построены в конце XVIII века ташкентскими и бухарскими купцами, которые курировали и назначение мулл, и отправление службы, и даже затеяли строительство новой мечети. Инициатива ташкентского купца Магмурбаева, не получившего согласие на свое прошение Семипалатинскому городничему и Областному начальнику и начавшего строительство новой мечети, не понравилось Оренбургскому магометанскому духовному собранию. Основываясь на законодательном акте от 22 сентября 1788 г., оно закрывает мечети, построенные ташкентцами и бухарцами: «...правилами магометанского закона возбраняется без особо уважительных причин строить мечети и производить в них порознь одно и то же богослужение...» (Арапов, 2001: 111).

Следует подчеркнуть, что запреты на возведение культовых сооружений распространялись и на представителей казахского населения. Так, например, обращение жителя Петропавловского уезда рассматривалось на протяжении четырех лет – с 1878 по 1882 годы. За указанный промежуток времени инициатор прошения Аккоза Утемисов не только предложил личное финансирование строительства мечети, но и по каждому запросу отправлял все новые и новые документы. К сожалению жителей уезда и волости, в ходатайстве им было отказано (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2723. Л. 43-66).

Временное положение ужесточило контроль над религиозными культурами и отправлениями. По новому формату казахские муллы подчинялись Министерству внутренних дел. Кроме того, регламентировалась численность мулл: на одну волость полагался один мулла. Для казахов мулла был выборной должностью. Исключение составляли русские подданные, поскольку муллой мог быть любой способный, по понятиям казахов. Удивительно, но факт: имперская власть допускала отсутствие у муллы религиозного образования. Утверждением муллы и его увольнением ведали уездные и областные начальники. Ходатайства об утверждении муллы направлялись на имя уездного начальства: «...каждая мечеть должна состоять под руководством особого муллы», в Капале завершается строительство новой мечети в южной части города, и в качестве муллы общество рекомендует Мухамет-Закира Таипова (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 359. Л. 7) Возведение мечетей сопровождалось разрешением генерал-губернатора (Материалы, 1960: 341). Действия российских властей, с одной стороны, объяснялись «желанием правительства устранить влияние татарского духовенства на местное население» (Шаблей, 2008), с другой – «...с целью ослабления влияния мусульманской пропаганды и разрыва духовной связи» мусульман (Арапов, 2001: 180). Современники восприняли действия имперской власти как административное исламизирование абсолютно чуждым религиозным мировоззрением: «мусульманские законы никогда не были приняты киргизами (казахами – Авт.) и были введены в степь путем правительственной инициативы вместе с бюрократическими прелестями внешних приказов. Мы не знаем и не можем понять, что имело в виду русское правительство, утверждая ислам там, где он не был вполне принят самим народом»

(Валиханов, 1985: 99). Предполагаем, что столь резкое ужесточение в отношении мусульманства в Казахстане было предпринято с попыткой заменить ислам на христианство. Карательный поход сопровождался, с одной стороны, мотивирующими посланиями в законодательных актах в адрес потенциальных мусульманских «христиан», а с другой – запретом на арабскую графику, закрытием мектебов и другими радикальными мерами (Артыкбаев, 1993: 185). Антимусульманские санкции сопровождались не только закрытием мектебов, но и мечетей, конфискацией религиозных книг, насильственным обращением в христианство под угрозой высылки в Сибирь, обязательным обучением русской грамоте (Тынышпаев, 1998).

Контент радикальных мероприятий царского правительства сменялся более мягкими действиями в случае обращения местного населения к власти, как, например, в случае с ходатайством Чубулакского волостного общества казахов об открытии медресе с русским классом при нем в городе Тургай. В обращении к первому инспектору Тургайской школы приводились примеры деятельности существующих подобных учебных заведений в соседних Оренбургской и Уфимской губерниях. Особо в ходатайстве отмечались негативные последствия от разъезжающих по степи разных шарлатанов, фанатиков-татар и других среднеазиатских выходцев, распространявших религиозные учения.

Предполагалось, что открытие указанного заведения повысит нравственный уровень казахского населения, который очень легко поддавался вредному учению. В ходатайстве указывалось, что открытие медресе заложит у казахских детей верные основы и, самое главное, детали ислама. Характерным явлением, получившим лишнее подтверждение в источнике, стал жесткий правительственный контроль над деятельностью религиозных учреждений в соответствии с принятыми Временными положениями 1868 года, направленными на искоренение пришлых служителей религиозного культа. Об этом и писалось в обращении Чубулакского волостного общества, что, помимо укоренения религиозно-нравственных начал у казахов, есть перспектива «...в скором будущем совершенно вытеснить из всех уголков обширной степи вышеуказанных пришлых вредных элементов». В Чубулакской волости, где проживало в 1902 г. 7035 человек, отсутствовали не только медресе, но и начальные школы: «...молодое поколение местного казахского населения по этой причине оказалось лишенным правильного понятия о догматах своей религии» (ЦГА РК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 9. Л. 2-8).

Политика русификации правительства в сочетании с пропагандой ислама придавала родовому объединению казахов религиозно-политический характер (Букейханов, 1995: 73), что еще в XIX в. критиковалось Ч. Валихановым. Учитывая соединение абсолютно противоположных друг другу явлений – медресе и русский класс при нем, соответствующих рекомендациям Степной комиссии, имперский подход способствовал реализации триединой задачи. В частности, такой подход позволял исключить внешних иноэтнических служителей мусульманского культа, установить контроль над мусульманским образованием и ограничить распространение ислама среди казахских кочевников. Все расходы на содержание медресе, начиная со строительных, ложились на местное население. Можно предположить, что это было создание искусственных финансовых препятствий, направленных на ослабление интереса к исламу. Характерно, что в случае распространения христианства среди казахского населения оно не несло никаких финансовых затрат, получая определенные льготы, согласно принятым положениям 60-х годов XIX века.

Особо следует отметить Букеевское ханство, где в начале XIX века под влиянием Джангир-хана наблюдались процессы централизованной исламизации казахского общества. Вероятно, эти события были обусловлены тем, что Джангир-хан был женат на дочери оренбургского муфтия, активизировавшего пропаганду ислама. Мечеть, функционировавшая в ставке хана, контролировала деятельность волостных мечетей и экзаменовала служителей религиозного культа. В Букеевском ханстве энергично строились мечети, в них же располагались мектебы (Евреинов, 1851).

Несмотря на довольно лояльное отношение царского правительства к Букеевской орде, канцелярия Оренбургского учебного округа в 1892 году приняла к рассмотрению жалобу попечителя на неудовлетворительное состояние мусульманских учебных заведений, действовавших при ханской ставке, являвшихся рассадником различных болезней, где работает самозванный мулла Мухамед-Вали Хабибулин (ЦГА РК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 41. Л. 6).

Необходимо отметить, что правительство не только регламентировало деятельность мусульманского духовенства и процессы, связанные с ним, но и контролировало паломничество мусульман (Dashkovskiy, Shershneva, 2017). Мерами по упорядочению паломнических трактов занималось Министерство иностранных дел. Одним из направлений, описываемых и рекомендуемых чиновниками для паломников Казахстана, был путь: «... через Самарканд и Бухару на Афганистан с проездом от Пешевара до Бомбея по железной дороге...». Примерная численность паломников, по сведениям Министерства, достигала «...от 4 до 7 тысяч ежегодно...» (ЦГА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 561. Л. 11-12). Важно подчеркнуть, что идеи К. Кауфмана – «Открытые листы» и загранпаспорта для паломников – в бытность его генерал-губернатором Туркестанского края привели к тайному хаджу, когда паломники, скрывая свои намерения, тайком уезжали в Мекку (Литвинов, 2014).

Казахи, еще недавно равнодушные к исламу, к середине XIX в. стали проявлять все больший интерес к этой религии, что отражалось в том числе и в активизации паломнического движения.

Только в 1905 году в канцелярии Степного генерал-губернаторства с целью поездки в Мекку 500 казахов получили заграничные паспорта (Букейханов, 1995: 73).

Регламентируя хадж, правительство определило алгоритм действий для желающих выехать в Мекку:

- прошение в губернское правление с двумя наклеенными гербовыми марками;
- ходатайство губернского правления в Министерство внутренних дел с разрешением муллы на выезд;
- при наличии разрешения полиция выдавала свидетельство об отсутствии препятствий для выезда;
- оплата пошлинных сборов;
- прошение о выдаче заграничного паспорта;
- получение резолюции Оренбургского магометанского духовного собрания (Бортникова, 2016: 17).

Важно отметить, что рубеж XIX–XX веков оживил общественно-политическую жизнь Российской империи принятием известных документов о свободе вероисповеданий, прежде всего речь идет о Манифесте об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 г. В какой-то степени они активизировали этно-религиозные группы на декларацию своих прав и свобод, вытолкнули на арену политической борьбы представителей казахской интеллигенции, в том числе одного из ярких лидеров, стоявшего в будущем у истоков партии Алаш А. Букейханова. Неразумные действия официальной власти привели к объединению мусульман России, и даже созданию мусульманской фракции в Госдуме. О присутствии мусульманских депутатов в Государственной Думе свидетельствуют следующие данные: «за весь период существования дореволюционной Думы в нее было избрано 79 депутатов-мусульман: 25 депутатов – в Думу 1-го созыва, 37 мусульман – во вторую, 10 – в третью и 7 – в четвертую Думу» (Лысенко, 2017: 617).

Для Казахстана в указанный промежуток времени характерным явлением стало петиционное движение. Наиболее содержательной в протестном формате оказалась Каркаралинская петиция от 26 июня 1905 года. Она отразила все негативные явления, ставшие результатом политики русификации, в том числе закрытие мусульманских школ, антирелигиозная направленность царского режима и пр. В качестве основных требований были выдвинуты свобода совести и вероисповедания, отмена цензуры на религиозные книги, изданные на арабском, татарском языках (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2053. Л. 55-58).

5. Заключение

Мусульманская религиозность казахов в составе протектората Российской империи прошла несколько этапов развития, от насаждения ее внешними служителями религиозного культа под надзором царских властей до этапа отстаивания свободы религии в условиях активизации общественно-политической жизни. Кочевое население сочетало традиционное тенгрианство с русифицированным исламом. Правительство регламентировало деятельность мусульманского духовенства от назначения мулл до содержания учебных заведений. Алгоритм имперского ислама в совокупности с общественно-политическими процессами Российской империи обусловил хаотичные идентификационные процессы через исламизирование казахов. Вместе с тем, несмотря на активное распространение ислама, традиционная культура кочевников оказалась вне огранки мусульманской семиотики, а повседневная стратегия поведения кочевника не отражала лик фанатичного ислама.

6. Благодарности

Работа подготовлена в рамках выполнения гранта РНФ по теме «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект №19-18-00023).

Литература

- Акимбеков, 2018 – Акимбеков С. Казахстан в Российской империи. Алматы: *Институт азиатских исследований*, 2018. 562 с.
- Алекторов, 1905 – Алекторов А.Е. Из истории развития образования среди киргизов Акмолинской и Семипалатинской областей // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1905. Часть CCCLXII. С. 154-191.
- Андреев, 1998 – Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы, 1998. 280 с.
- Арапов, 2001 – Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи. Законодательные акты, описания, статистика. М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. 366 с.
- Артыкбаев, 1993 – Артыкбаев Ж. Казахское общество: традиции и инновации. Караганда, 1993. 320 с.
- Бабаджанов, 2007 – Бабаджанов М.К. Этнография казахов Букеевской орды. 2-е изд., доп. Астана: Алтын кітап, 2007. 221 с. (Библиотека казахской этнографии. Т. 19).
- Броневский, 1830 – Броневский С.Б. Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней орды // *Отечественные записки*. СПб., 1830. Ч. 41, 42, 43.

- Букейханов, 1995** – Букейханов А. Избранное. Алматы, 1995. 479 с.
- Валиханов, 1985** – Валиханов Ч. Записка о судебной реформе // Собрание сочинений в 5-ти томах. Алма-Ата: Академия наук Казахской ССР, 1985. Том 4. 463 с.
- Валиханов, 1985** – Валиханов Ч. О мусульманстве в степи // Собрание сочинений в 5-ти томах. Алма-Ата, 1985. Том 4. 463 с.
- Евреинев, 1851** – Евреинев А. Внутренняя, или Букеевская киргиз-казачья орда. Современник. СПб. 1851. № 10. Т. XXIX. Отд. П. С. 49-96.
- Записки, 1822** – Записки доктора Саввы Большого о приключениях его в плену у киргиз-кайсаков в 1803 и 1804 гг. // *Сын Отечества*. 1822. Ч. 76. № 11. С. 168-173.
- Левшин, 1996** – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
- Литвинов, 2014** – Литвинов В.П. Хадж мусульман Туркестана в период устройства царской власти в регионе (1865–1870-е гг.) (по архивным и правовым материалам) // Вестник КРСУ. 2014. Т. 14. № 11. С. 58-63.
- Материалы, 1940** – Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.). Москва-Ленинград: Изд-во Академии наук. СССР, 1940. Т. IV. 543 с.
- Материалы, 1960** – Материалы по истории политического строя Казахстана (со времен присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). Т. 1. Алма-Ата, 1960. 442 с.
- Нуртазина, 2008** – Нуртазина Н. Народы Туркестана. Проблемы ислама, интеграции, модернизации и деколонизации (на рубеже XIX–XX веков). Алматы, 2008. 166 с.
- Россия, 1899–1914** – Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей: [В 19-ти т.] Т. 18. Киргизский край / Под ред. В.П. Семенова и под общ. руководством П.П. Семенова, вице-пред. Русского геогр. о-ва и проф. В.И. Ламанского, пред. отд. этнографии Русского геогр. о-ва; Предисл. Вениамин Семенов. СПб.: А.Ф. Девриен, 1903. 478 с.
- Садвокасова, 2005** – Садвокасова З.Т. Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (II половина XIX – начало XX веков). Алматы, 2005. 277 с.
- Султангалиева, 2015** – Султангалиева Г. Казахские чиновники Российской империи XIX в.: Особенности восприятия власти // *Cahiers Du Monde Russe*. 2015. Vol. 56, no. 4, pp. 651-679. [Электронный ресурс]. URL: www.jstor.org/stable/24772294
- Тынышпаев, 1998** – Тынышпаев М. История казахского народа. Алматы: Санат, 1998. 242 с.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Шаблей, 2008** – Шаблей П.С. Оренбургское магометанское духовное собрание в Казахстане (1788–1868 гг.) // *Вопросы истории*. № 5. 2008. С. 146-150.
- Ястребов, 1851** – Ястребов М. Киргизский шаман (Отрывок из записной книжки). Москвитянин, 1851. Ч. 2. № 8 (апрель). Кн. II. С. 301-311.
- Bortnikova et al., 2016** – Bortnikova Yu.A., Naumenko O.N., Naumenko E.E. Russia and Islam: State Policy on Formation of Tolerance of Muslims in Western Siberia (1773–1917) // *Bylye Gody*, 2016, Vol. 39, Is. 1, pp. 14-21.
- Dashkovskiy, Shershneva, 2016** – Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A. Relations between the muslim communities and the Russian orthodox church in Western Siberia in the second half of XIX – early XX century in the context of confessional policy of the Russian // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 39. Is. 1. Pp. 120-128.
- Dashkovskiy, Shershneva, 2017** – Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A. The role of muslims in migration processes in the Russian empire in the second half of XIX – early XX century // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 44. Is. 2. Pp. 551-559.
- Lysenko, 2017** – Lysenko Yu.A. The Representatives of the Steppe Region and Turkestan in the Russian Parliament: the Experience of Fractional Interaction in Solving Regional Ethno-Social Problems // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 44, Is. 2, pp. 616-624.
- Torlanbayeva, 2015** – Torlanbayeva K. About stages of islamization of the population of Kazakhstan // *Bulletin of the National Academy of sciences of the Republic of Kazakhstan*. 2015. №4. Pp. 166-172.

References

- Akimbekov, 2018** – Akimbekov S. (2018). Kazakhstan v Rossiiskoi imperii [Kazakhstan in the Russian Empire]. Almaty "Institut Aziatskikh issledovaniy". 562 p. [in Russian]
- Alektorov, 1905** – Alektorov A.E. (1905). Iz istorii razvitiia obrazovaniia sredi kirgizov Akmolinskoi i Semipalatinskoi oblastei [From the history of the development of education among the Kirghiz of Akmola and Semipalatinsk regions]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*. Chast' SSSLXII. Pp. 154–191. [in Russian]
- Andreev, 1998** – Andreev I.G. (1998). Opisanie Srednei ordy kirgiz-kaisakov [Description of the Middle Horde of the Kirghiz-kaisaks]. Almaty, 280 p. [in Russian]
- Arapov, 2001** – Arapov D.Iu. (2001). Islam v Rossiiskoi imperii. Zakonodatel'nye akty, opisaniia, statistika [Islam in the Russian Empire. Legislative acts, descriptions, statistics]. M.: IKTs "Akademkniga". 366 p. [in Russian]

- Artykbaev, 1993** – *Artykbaev Zh.* (1993). Kazakhskoe obshchestvo: traditsii i innovatsii [Kazakh society: traditions and innovations]. Karaganda. 320 p. [in Russian]
- Babadzhanov, 2007** – *Babadzhanov M.K.* (2007). Etnografiia kazakhov Bukeevskoi Ordy [Ethnography of the Kazakhs in bukey Horde. 2-e Izd. Additional]. 2-e izd. dop. Astana: "Altyn kitap". 221 p. (Biblioteka kazakhskoi etnografii. T. 19). [in Russian]
- Bortnikova et al., 2016** – *Bortnikova Yu.A., Naumenko O.N., Naumenko E.E.* (2016). Russia and Islam: State Policy on Formation of Tolerance of Muslims in Western Siberia (1773–1917). *Bylye Gody*. Vol. 39, Is. 1, pp. 14-21.
- Bronevskii, 1830** – *Bronevskii S.B.* (1830). Zapiski general-maiora Bronevskogo o kirgiz-kaisakakh Srednei Ordy [Notes to major General Bronevsky about the Kirghiz of the Middle Horde kaysak]. *Otechestvennye zapiski*. SPb. Ch. 41, 42, 43. [in Russian]
- Bukeikhanov, 1995** – *Bukeikhanov A.* (1995). Izbrannoe [Selected works]. Almaty. 479 p. [in Russian]
- Dashkovskiy, Shershneva, 2016** – *Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A.* (2016). Relations between the muslim communities and the Russian orthodox church in Western Siberia in the second half of XIX – early XX century in the context of confessional policy of the Russian. *Bylye Gody*. Vol. 39. Is. 1. Pp. 120-128.
- Dashkovskiy, Shershneva, 2017** – *Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A.* (2017). The role of muslims in migration processes in the Russian empire in the second half of XIX – early XX century. *Bylye Gody*. Vol. 44. Is. 2. Pp. 551-559.
- Evreinov, 1851** – *Evreinov A.* (1851). Vnutrenniaia, ili Bukeevskaia kirgiz-kazach'ia orda. Sovremennik [Evreinov Internal or Bukeyev Kirghiz-Cossack Horde. Contemporary]. SPb. №10. T. XXIX. Otd. P. Pp. 49-96. [in Russian]
- Iastrebov, 1851** – *Iastrebov M.* (1851). Kirgizskii shaman (Otryvok iz zapisnoi knizhki) [The Kirghiz shaman (Excerpt from notebook)]. *Moskvitianin*. Ch.2. № 8 (aprel'). Kn. II. Pp. 301-311. [in Russian]
- Levshin, 1996** – *Levshin A.I.* (1996). Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh ord i stepei [Description of Kirghiz-Cossack or Kirghiz-kaisak hordes and steppes]. Almaty: "Sanat". 656 p. [in Russian]
- Litvinov, 2014** – *Litvinov V.P.* (2014). Khadzhi musul'man Turkestana v period ustroistva tsarskoi vlasti v regione (1865–1870-e gg.) (po arkhivnym i pravovym materialam) [Hajj of Muslims of Turkestan in the period of the device of Imperial power in the region (1865-1870) (on archival and legal materials)]. *Vestnik KRSU*. T. 14. № 11. Pp. 58-63. [in Russian]
- Lysenko, 2017** – *Lysenko Yu.A.* (2017). The Representatives of the Steppe Region and Turkestan in the Russian Parliament: the Experience of Fractional Interaction in Solving Regional Ethno-Social Problems. *Bylye Gody*. Vol. 44, Is. 2, pp. 616-624.
- Materialy, 1940** – *Materialy po istorii Kazakhskoi SSR (1785-1828 gg.)* [Materials on the history of the Kazakh SSR (1785-1828)]. Moskva-Leningrad: Izd-vo: Akademiia nauk. SSSR, 1940. T. IV. 543 p. [in Russian]
- Materialy, 1960** – *Materialy po istorii politicheskogo stroia Kazakhstana (so vremen prisoedineniia Kazakhstana k Rossii do Velikoi Oktiabr'skoi sotsialisticheskoi revoliutsii)* [Materials on the history of the political system of Kazakhstan (since the accession of Kazakhstan to Russia to the great October socialist revolution)]. T.1. Alma-Ata, 1960. 442 p. [in Russian]
- Nurtazina, 2008** – *Nurtazina N.* (2008). Narody Turkestana. Problemy islama, integratsii, modernizatsii i dekolonizatsii (na rubezhe XIX-XX vekov) [The Peoples Of Turkestan. Problems of Islam, integration, modernization and decolonization (at the turn of XIX-XX centuries)]. Almaty. 166 p. [in Russian]
- Rossiia, 1903** – *Rossiia. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva: Nastol'naia i dorozhnaia kniga dlia russkikh liudei* T. 18. Kirgizskii krai. Pod red. V.P. Semenova i pod obshch. rukovodstvom P.P. Semenova, vitse-pred. Russkogo geogr. o-va i prof. V.I. Lamanskogo, pred. Otd. etnografii Russkogo geogr. o-va; Predisl. Veniamin Semenov. (1903). SPb.: A.F. Devrien, 1903. 478 p. [in Russian]
- Sadvokasova, 2005** – *Sadvokasova Z.T.* (2005). Dukhovnaia ekspansiiia tsarizma v Kazakhstane v oblasti obrazovaniia i religii (II polovina XIX – nachalo XX vekov) [Spiritual expansion of tsarism in Kazakhstan in the field of education and religion (II half of XIX – beginning of XX centuries)]. Almaty. 277 p. [in Russian]
- Shablei, 2008** – *Shablei P.S.* (2008). Orenburgskoe Magometanskoe Dukhovnoe Sobranie v Kazakhstane (1788–1868 gg.) [Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly in Kazakhstan (1788–1868)]. *Voprosy istorii*. №5. Pp. 146-150. [in Russian]
- Sultangalieva, 2015** – *Sultangalieva G.* (2015). Kazahskie chinovniki Rossiiskoi imperii XIX v.: Osobennosti Vospriiatiia Vlasti. [Kazakh officials of the Russian Empire of the XIX century: features of Perception of Power]. *Cahiers Du Monde Russe*. Vol. 56, no. 4, pp. 651-679. [Electronic resource]. URL: www.jstor.org/stable/24772294
- Torlanbayeva, 2015** – *Torlanbayeva K.* (2015). About stages of islamization of the population of Kazakhstan. *Bulletin of the National Academy of sciences of the Republic of Kazakhstan*. №4. Pp. 166-172.
- TsGA RK** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central state archive of the Republic of Kazakhstan].

Tynyshpaev, 1998 – *Tynyshpaev M.* (1998). Istorii kazakhskogo naroda [History of the Kazakh people]. Almaty: Sanat. 242 p. [in Russian]

Valikhanov, 1985 – *Valikhanov Ch.* (1985). O musul'manstve v stepi [On Islam in the steppe]. Collected works in 5 volumes. Alma-Ata: Akademiia nauk Kazakhskoi SSR. V 5-i tomakh. Tom 4. 463 p. [in Russian]

Valikhanov, 1985 – *Valikhanov Ch.* (1985). Zapiska o sudebnoi reforme [Note on judicial reform]. Collected works in 5 volumes. Alma-Ata: Akademiia nauk Kazakhskoi SSR. V 5-i tomakh. Tom 4. 463 p. [in Russian]

Zapiski, 1822 – Zapiski doktora Savvy Bol'shogo o prikliucheniakh ego v plenu u kirgiz-kaisakov v 1803 i 1804 gg. [Notes of Dr. Sava's Great about his adventures in captivity by the Kirghiz bothrops atrox in 1803 and 1804 years]. *Syn Otechestva*. 1822. Ch. 76. № 11. Pp. 168-173. [in Russian]

Мусульманская религиозность казахов в условиях реализации имперской политики России

Петр Константинович Дашковский ^{a, *}, Альбина Советовна Жанбасинова ^b

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

^b Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова, Республика Казахстан

Аннотация. Статья посвящена вопросам развития ислама в Казахстане в условиях Российской империи. Авторы, опираясь на широкий круг архивных материалов и публикаций нового времени, продемонстрировали эволюцию мусульманских воззрений казахского населения от полного его неприятия до борьбы за свои права в свободе совести и вероисповедания. Важную роль в распространении ислама в Казахстане сыграли татарские, бухарские, ташкентские служители религиозного культа. Среди вопросов, освещаемых в статье, особое внимание было уделено анализу содержания политики Российской империи в отношении казахского населения, а именно русификации и христианизации, в запрещении и закрытии духовно-образовательных учреждений, в недопущении строительства архитектурных культовых сооружений.

Правительство Российской империи регламентировало деятельность мусульманского духовенства, а также контролировало паломничество мусульман. Такой жесткий государственный контроль в итоге привел к появлению протестных настроений и прямо противоположной трансформации религиозного мировоззрения казахов, принявших ислам во многом в результате административного исламизирования.

Ключевые слова: Российская империя, царское правительство, Казахстан, мусульманство, мектебы, казахская интеллигенция.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dashkovskiy@fnp.asu.ru (П.К. Дашковский), sovetuk@rambler.ru (А.С. Жанбасинова)